

Линь Сыюань вернулся в усадьбу спустя полчаса. В Зале Нинъань стоял оглушительный треск — это звучали пощечины. Старое лицо матушки Хэ превратилось в кровавое месиво; если прикинуть, ей досталось не меньше трех тысяч шестисот ударов.

Нянюшка Тао, в точности исполняя распоряжение старой госпожи Линь, стоило ей заметить главу семейства, тут же остановилась.

Отец? — Линь Ляоляо невольно подумала: — Значит, лицом я пошла в мать.

— Сын приветствует матушку, — Линь Сыюань опустил голову. Краем глаза он зацепился за лицо матушки Хэ, и его желудок скрутило от тошноты.

Старая госпожа Линь перебирала четки. Она резко взмахнула рукой, и бусины глухо стукнули друг о друга. Нянюшка Тао поняла знак без слов: в одно мгновение все служанки, кухарки и мальчишки на побегушках, находившиеся в доме и во дворе, были выдворены, а сама она отступила в тень, к плечу госпожи.

— Матушка, что здесь произошло? — Линь Сыюань первым делом попытался обелить себя. Он начал стряхивать с одежды чернильные пятна, стараясь выглядеть как можно более занятым государственными делами. — Вы только посмотрите на этого недотепу. Как только услышал, что вы вернулись, я от волнения опрокинул чернильницу. Позвольте мне сменить халат, а потом я...

— Хватит мне зубы заговаривать! — Старая госпожа Линь всегда была прямолинейна и не давала поблажек даже собственному сыну. — Ты не знаешь, что случилось? А зачем тогда прятался вне дома?

— Сын...

— Господин, как вы можете так говорить?! — Лю Хуэй залилась слезами. Она от природы была женщиной изящной и прелестной, и Линь Сыюань всегда души в ней не чаял.

В этот момент в него полетел кирпич.

Линь Сыюань, только что отчистивший халат от чернил, теперь оказался залит чаем из опрокинутого чайника. Его одежда промокла насквозь. Но даже в такой ситуации он не забыл поправить:

— Это был кирпич.

— ...

Линь Сыюань понял, что маска сорвана, и просто развел руками:

— Матушка, зачем, по-вашему, я все это затеял? Разве не ради нашего дома? Второй брат хоть и сдал военный экзамен, но подорвал здоровье и теперь занимает лишь пустую должность в управе. Третий брат который год пытается сдать экзамены, и все без толку. Ему двадцать пять, а у него ни жены, ни даже наложницы. Весь дом держится на мне одном — чиновнике седьмого ранга! Я лишь хотел прославить наш род и воздать почести предкам!

Старая госпожа Линь посмотрела на сына и холодно фыркнула:

— Я уехала в Храм Байюнь всего на десять дней, а вы, два бессовестных пса, уже успели проверить такое! За моей спиной решили отдать Хэ в наложницы этому евнуху!

— Это же твоя родная дочь! Как у тебя рука поднялась?! Тебе мало того, что ты ее не любишь, так ты еще и толкаешь ее в огненную яму! Скажи мне, найдется ли еще в Поднебесной такой отец, как ты?!

Лю Хуэй заплакала, и сердце Линь Сыюаня вновь сжалось от жалости. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но, встретившись взглядом с мрачным лицом матери, тут же осекся.

— Это... это...

Дед старой госпожи Линь сдал военный экзамен, а отец был удостоен звания танхуа — в семье ценили и науку, и боевое искусство. Выросшая в такой среде, старая госпожа обладала огромным авторитетом: в литературе ее было не обмануть, а в боевых искусствах она видела насквозь любые фальшивые приемы.

Тьфу!

Линь Ляоляо сплюнула. Как он мог произнести такие мерзкие слова? Да еще и с таким невозмутимым видом!

— Барышня, вы что-то ищете? — спросила Цзыжоу, заметив, что хозяйка озирается по сторонам.

— Я хочу зашибить его!

— Не смей говорить мне, что ты был занят! Ты чиновник седьмого ранга, какая у тебя может быть занятость?! К тому же ты служишь в Министерстве доходов, что тебе делать в Академии Ханьлинь?!

Старая госпожа запустила в него чайником:

— Я буду называть его старым евнухом! Если такой смелый — иди и пожалуйся ему на меня!

— Ты мой сын, я знаю твой нрав лучше всех. Не пытайся оправдаться! Все равно не отмоешься!

— Матушка, матушка... Это не евнух, это... это господин Ань...

— Матушка, я невиновен! Это дело... я ничего об этом не знал! Как я мог? Хэ ведь тоже моя дочь! — Линь Сыюань резко сменил тон и указал на Лю Хуэй: — Как это вообще вышло?! Быстро объясни все матушке!

— ...

— Посмотри, — старая госпожа горько усмехнулась, — вы вместе все планировали, а теперь он чистенький, а вся вина легла на тебя.

— И у тебя хватает совести говорить такое? Отправить собственную дочь ради славы рода? Ты превзошел все мои ожидания, я тебя явно недооценивала.

— Матушка, Хэ — моя дочь и старшая девица дома Линь. Разве плохо, если она разделит с отцом бремя забот? К тому же... разве в доме господина Аня мало богатств? Разве Хэ будет обижена? Когда я возвышусь, она будет носить золото и серебро, разве вы не получите свою долю почестей?

— По-твоему, это благое дело? — старая госпожа часто закивала. — Отлично. Тогда заодно отдай туда и Шу. Сестры будут друг другу поддержкой, вместе будут носить золото и серебро. Разве ты, как отец, не станешь от этого еще более уважаемым?

— Нет, матушка! — вскрикнула Лю Хуэй.

— Почему же нет? Господин ведь сказал, что это благое дело.

— Шу... Шу... — Линь Цзиньшу была первой дочерью Лю Хуэй, ее ненаглядным сокровищем, которую она лелеяла как зеницу ока. Как она могла позволить отдать ее в наложницы старому евнуху? — Господин, скажите же что-нибудь!!

Родная мать Линь Цзиньхэ, госпожа Сунь, давно умерла, и Линь Сыюань к ней ничего не чувствовал. Все эти годы девочка росла при старой госпоже, и отец не вспоминал о ней годами. Со временем даже кровные узы истончились, иначе он не согласился бы на это после пары напештываний Лю Хуэй на подушке.

— Матушка... Шу еще совсем маленькая.

— Маленькая? Ей тринадцать, не такая уж и маленькая. Хэ всего четырнадцать, ты считал ее маленькой? — Слова старой госпожи резали, как ножи, сдирая с этой пары маски. — В конечном счете, для вас есть свои и чужие. Но не забывайте: эта старуха еще жива! И даже если я не хочу выдавать Хэ замуж сейчас, когда придет время — вам в это вмешиваться не позволю!

— Слышали?!

Старая госпожа говорила так уверенно, что Линь Сыюань и Лю Хуэй вздрогнули.

— Слышали.

Закончив, Линь Сыюань попытался помочь Лю Хуэй подняться.

— Стоять! — Старая госпожа прищурилась. — Я разрешала тебе встать?

Затем она перевела взгляд на Линь Сыюаня:

— Ты тоже стой на коленях.

— Матушка... зачем же так? Мне завтра на службу.

— Тогда стой до завтрашней службы.

— Матушка, Хэ ведь все равно не отправили... Это же позор для семьи!

— Именно потому, что это позор, вы стоите здесь, в Зале Нинъань, иначе я бы отправила вас в фамильный храм, — старая госпожа перебирала четки. — Нянюшка Тао, зажги благовония, чтобы они не уснули на коленях!

— Слушаюсь.

Нянюшка Тао обернулась и увидела, что матушка Хэ бездыханно лежит на полу.

— Госпожа, а с ней что делать?

— Выгнать! В доме Линь она больше не работает!

Матушку Хэ подхватили несколько служанок и, не церемонясь, вытащили из Зала Нинъань и выбросили за ворота.

— Убирайся, мерзавка!

Линь Ляоляо переглянулась с Цзыжоу. Старая госпожа просто невероятна!

В последующие дни Линь Ляоляо поняла: иметь сильную покровительницу — это прекрасно.

Старая госпожа, будучи опытным стратегом внутренних покоев, первым делом лишила Лю Хуэй права распоряжаться хозяйством, а затем заточила ее в Павильоне Циньсэ для покаяния. Она уволила всех ее помощниц — тех самых служанок, которые раньше пользовались ее влиянием и вели себя наглее всех. Кого-то продали, кого-то отправили в дальние деревни, а оставшихся отправили на самую грязную и тяжелую работу в дровяной сарай и на кухню.

Все это было проделано с такой легкостью и изяществом, что Линь Ляоляо осталась в полном восторге. Когда старая госпожа улыбалась, ее глаза превращались в полумесяцы, и она казалась добрейшей бабушкой из сказок, но методы управления домом были железными. Всего за несколько дней в усадьбе, где прежде царил хаос, воцарилась чистота.

Успокоившись, Линь Ляоляо из подслушанных разговоров слуг узнала историю семьи. У Линь было три сына. Старший, Линь Сыюань, был чиновником седьмого ранга. Он был самым успешным и богатым, но деньги эти принадлежали не ему, а Лю Хуэй.

Семья Лю владела винокурнями, их бизнес в Сулине процветал. Лю Хуэй стала наложницей лишь потому, что ее отец оказался замешан в деле об убийстве и нуждался в помощи. Линь Сыюань тогда был судьей в Сулине и смог замять дело, поэтому Лю Хуэй добровольно пошла в наложницы. Но она была не простой наложницей, а благородной, и принесла с собой огромное приданое — пять тысяч таэлей серебра одними векселями.

В те времена она затмевала даже законную супругу госпожу Сунь, мать Линь Цзиньхэ. Говорят, что и продвижение Линь Сыюаня в столицу было оплачено ее деньгами. Именно поэтому после смерти госпожи Сунь он не стал искать новую жену, а решил возвысить Лю Хуэй.

Второй брат, Линь Сывэнь, был неудачливым военным. Он так усердствовал в тренировках, что повредил дыхательные пути. Титул есть, а поднять каменный замок он не может. Его единственная одержимость — рождение сына, но, как это бывает, чем больше хочешь, тем меньше получаешь. Он проводил время в борделях, не желая возвращаться домой.

Что касается третьего брата, Линь Сыюя — он был типичным зубрилой, который не мог усвоить даже простое учение. Линь Ляоляо называла таких «глупыми птицами» — большие, а летать не умеют.

О планах отдать старшую дочь в наложницы не знал никто, кроме старой госпожи и самих заговорщиков. В конце концов, сор из избы выносить не принято, иначе бы госпожа давно выгнала Лю Хуэй.

Линь Сьюань, будучи родным сыном, мог рассчитывать на снисхождение, но с Лю Хуэй разговор был другой. Она была невесткой, которая подстрекала мужа продать собственную дочь.

Лю Хуэй знала, что виновата, поэтому вела себя тихо, не выходила из павильона и отказывалась от встреч, прикрываясь болезнью. На людях она изображала любящую мать, но по ночам...

Линь Сьюань был от нее без ума. Каждый вечер Лю Хуэй устраивала представления со слезами, нежными объятиями и уговорами. Но больше всего Линь Ляоляо поразило то, что Лю Хуэй сама отдала свою служанку в наложницы мужу, чтобы задобрить его. И он принял это с радостью!

Линь Ляоляо лишь вздыхала: патриархальный строй превращал людей в животных.

<http://bllate.org/book/18628/1793574>